

[Назад](#) [Вперед](#) [Оглавление](#)

НАШЕ ОБРАЗОВАНИЕ: 2005 (Russian education: 2005)

3. МЕХМАТ МГУ . REMINISCENCES

(2. Mechanical and mathematical department of Moscow State University. Reminiscences)

ДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

У меня нет под рукой официальных учебных программ того времени, поэтому я немного рискую ошибиться в деталях. Итак, учебная нагрузка: по-моему на 1-3 курсе было 3 пары в день. При этом в какой-то момент появлялся дополнительный свободный день, а на четвертом курсе официальная учебная нагрузка начинала куда-то улетучиваться. В первом семестре 5-ого курса оставался одинокий "Научный коммунизм" с добавлением "Стат.физики" и тогда только при нас (повезло) введенного обязательного "Спецкурса естественно-научного содержания" (в просторечии --- кибениматика, но сама идея была бы хорошей, если бы такие спецкурсы не были обязательными и если бы их было побольше). В последнем семестре исчезало и это.

Замечу, что эта нагрузка включала все, включая и нематематические предметы (гражданская оборона, СЭД, о чем ниже, программирование, английский, механика, квантовая механика, теория поля, стат.физика, военная подготовка).

Количество экзаменов в сессию на 3 младших курсах было -- три или четыре (был один взбрык с 5-ю экзаменами). Т.е. список читаемых математических курсов был невелик.

На первом (и очень редко на втором) курсе в течение семестра были напоминания, что надо учиться, в виде коллоквиумов и контрольных. Но вообще-то коллоквиум давал возможность ознакомиться с частью курса, а особых мер к несдавшим не было. А вот зачеты на первых курсах принимались жестко. Они не были объемистыми, но их надо было сдавать, а не спихивать (во всяком случае в пределах зачетной сессии). Про экзамены -- не знаю, по моему они тоже сдавались.

В 1980-81гг усилилась борьба за успеваемость, и картина начала размываться, но я уже тогда студентом не было. Может у меня ошибка памяти, но у нас люди не сдавали до мая зимнюю сессию.

На первом курсе учебная часть делала вид, что борется за посещение лекций, и устраивала переключки. Студенты делали вид, что боятся, и обычно находился кричавший за отсутствовавшего. Соответственно переключивший делал вид, что этого не замечает. Если по аудитории пускались списки присутствующих, то каждый отсутствовавший, как легко догадаться, оказывался там в нескольких экземплярах (сомневаюсь, что эти списки кто-либо обрабатывал). А вот не сдавших анализы к сессии не допускали! У меня как-то анализ потерялся, я сдал сессию досрочно, а потом оказалось, что не допущен.

Еще раз. Система обладала определенной жесткостью поведения. По каким-то очень немногим сюжетам по отношению к студенту применялась прямая дрессировка (скажем, при прохождении дифференцирования -- очень жесткая). Очень жесткими могли быть и зачеты (это зависело от вкусов принимающего). Например, тебе дают 5 задач. Сделал четыре -- зачет, нет --- приходишь назавтра решать 5 задач и т.д.

Если ты предмет понимаешь -- пришел на зачет и за один раз или два раза сдал. А во всем прочем никому до тебя дела нет. Учебная часть вызывала дрючить отстающих, но прочими она не интересовалась, стиль обучения под отстающих не подделывался.

Я подчеркиваю сдержанность официальных рамок, но надо помнить, что мехмат того времени как образовательное учреждение на голову превосходил любое другое учреждение того же профиля во всем мире. И дело отнюдь не только в умеренности (это может кто угодно), а еще в неформализуемой разумности. На мой взгляд, исключительно разумно и взвешено были составлены учебные планы. Человеку обстоятельно рассказывался набор фундаментальных сюжетов, а дальше ему оставлялась возможность для самостоятельного развития, если он того хотел.

Пять лет обучения при наличном составе студентов вполне позволяли раздуть курсы и "дать" раза в полтора-два больше. Но такой цели не ставилось.

Пока человеку не приходится самому думать про программный пасьянс и пытаться провести его в жизнь, он вряд ли может понять, насколько это не просто. Здесь же было удачное глобальное решение (хотя и не без локальных ляпов).

Для меня так и осталось загадкой, чья сильная и разумная воля стояла за этим пасьянсом. Ефимов? Шилов? Петровский?

Утверждать, что все курсы хорошо читались, не буду. Но за это уже те, вышедшие к тому времени из игры люди, ответственности нести не могли.

ВЕЧЕРНЯЯ ЖИЗНЬ

Она происходила с понедельника по пятницу, и на нее отводились три пары, последняя по расписанию кончалась в 9 вечера (но продолжать дольше не возбранялось, выгонять со шваброй в руках начинали лишь после десяти). Это были спецкурсы и спецсеминары, собирали они не только студентов и аспирантов мехмата, но и ребят из многих других вузов, а также многочисленных тогда математических людей со всей Москвы. Руководители семинаров тоже не всегда были с мехмата.

Молодой человек имел возможность ходить туда-сюда, слушать начальные куски курсов пробовать, ошибаться, искать.

В принципе студент под надзором руководителя должен был написать бумагу, где он обязывал себя прослушать такие-то и такие-то курсы. Реально это бумага ни к чему не обязывала, а лишь служила напоминанием, о том, чтобы человек не очень уж валял дурака.

Еще надо было за время обучения сдать сколько-то семестров спецкурсов и спецсеминаров. В принципе, среди спецкурсов бывала и полная туфта, час готовишься, идешь --- сдаешь. Общественности это было хорошо известно, и такие экзамены пользовались широкой популярностью (сам сдавал). Вообще же спецкурсы сдавались неформально, тебе предлагают на дом набор задач, хочешь чему научиться -- решаешь, хочешь отвязаться -- идешь и спрашиваешь решение, у кого надо. Я сам исполнял последнюю функцию в отношении нескольких известных лекторов. Так что все их слушатели задачи очень даже хорошо решали.

Я к тому, что административная составляющая вечерней жизни сводилась к напоминаниям. Ну может некоторые научные руководители боролись за посещение их собственных семинаров их же собственными учениками. Это уже были их трудности. Половины студентов вечерняя жизнь почти не касалась.

Ну а в вечерних аудиториях и корридорах кипела жизнь и делалась математика.

В общем здесь еще был воздух понедельника, который начинался с субботы.

ЖИЗНЬ ПОТУСТОРОННЯЯ. ТЕНИ ПРОШЛОГО И ПРИЗРАКИ БУДУЩЕГО

Теперь же естественно перейти к "Сказке о тройке".

СОЦИАЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ (СЭД). Их было много: история КПСС, марксистско-ленинская философия, политэкономия, две "научных" дисциплины: научный атеизм и научный коммунизм, а еще две марксистско-ленинских: этика и эстетика. Последние две были пустой формальностью, а вот о первых пяти этого никак не скажешь.

Попытка вспомнить, как все выглядела «История КПСС», производит освежающее впечатление. Когда семинарист обращался к аудитории с вопросом (или иными способами давал сигнал), каждый присутствовавший должен был опередить всех остальных в своем рвении отвечать. Но при воодушевленном ответе будь точен : шаг вперед -- перегиб, шаг назад --- не раскрыта сущность, шаг в сторону -- ты заблуждающийся, а то и хуже. А если не успеваешь опередить остальных -- тоже редиска, хуже всех прочих. В общем, живая, свободная, творческая, непринужденная атмосфера. Плохо ли было быть редиской, я обсужу ниже.

При ответе на экзамене надо было говорить не только в соответствии с учебником, но еще и быстро, гладко, с чувством убежденности. Я, сколько ни принимал экзаменов по математике, а с выражением ли и с сознанием ли важности формулировалась теорема Гаусса--Остроградского, меня никогда не интересовало. Я даже не имел ничего против, если она произносилась "с выражениями", лишь бы они были цензурными.

А тут на экзамене я как-то недостаточно уверенно сказал, что кулак -- мелкая буржуазия, на что услышал сопровождаемую ударом кулака по столу речь лектора, которую я запомнил слово в слово: "Мелкая буржуазия -- это бедняк! Средняк -- это средняя буржуазия! А кулак -- это крупная деревенская буржуазия!!!" (т.е., вроде Березовского, только в каждой деревне по пять особей). Мои слова соответствовали букве учебника, но зато кулак лектора опустил на стол, когда произносилось слово "деревенская", и это соответствовало духу "линии партии".

Справедливости ради, надо сказать, что описанная мною радужная картина соответствовала курсу "История КПСС", авторов которого никто и никогда не обвинял в исканиях истины. Скажем, пресловутая "марксистско-ленинская философия" на большую часть состояла из обсуждения немарксистских воззрений. Все домарксовские философы были предшественниками и предтечами Маркса, и имели полное право заблуждаться. Их сочинения издавались и были доступны (одни в большей степени, другие -- в меньшей, некоторые в малой), нас даже заставляли их читать и делать по ним доклады. И вообще, взгляды Аристотеля или Спинозы могли обсуждаться вполне свободно. До сих пор не вижу в этом ничего плохого. Чтение (но конечно не "конспектирование") лично Маркса тоже не было вполне бессмысленным времяпровождением -- все же был великий мыслитель и великий религиозный деятель, и его значение до сих пор не может трезво обсуждаться. Скажем современный либерализм генетически зависит от марксизма и во многом является его творческой переработкой. Но, конечно, новая религия не может признать родство с предшествующей, которая для нее -- главный враг.

А вот все философы после Маркса подлежали самой суровой критике, причем ничего, кроме этой критики о них известно не было, и не было никакой возможности чего-либо узнать. Но вообще, читался некий курс по истории человеческой мысли и по положению марксизма в ней, и похабщиной я его считать не склонен (это был все-таки Московский Университет). Я также не уверен, что марксистские учебники были более похабны, чем либеральные.

Но в целом все эти курсы отнимали время (в том числе на конспектирование "классиков") и портили настроение. Вопрос в том, насколько они были опасны. Четверка влекла невыдачу повышенной стипендии (50 руб вместо 40). Это не самое страшное. Тройка на экзамене могла очень даже аукнуться через 4 года при комсомольской "рекомендации в аспирантуру". Но тот описанный выше лектор, который наносил удар дубовому столу, должен был хорошо всех и, в том числе, меня обучить, а потому лимиты на тройки у него были очень маленькими. У нашего семинариста лимиты были еще ниже, поэтому я не понимаю, был ли я в несколько рискованном положении.

Мне еще раз хотели вклеить тройку по той же науке непосредственно на экзамене в аспирантуру, за то, что я то ли недостаточно, то ли превратно раскрыл истинную сущность председателя Мао (в чем именно состоял мой грех, я так и не узнал, во всяком случае любви к этому герою в моем голосе оказаться не могло). Экзамен принимала комиссия, включавшая представителя кафедры, и он не допустил. Но вообще тройка на экзамене -- положительная отметка, так что, скорее всего, я в аспирантуру бы прошел.

КОМСОМОЛЬЦЫ. КОТОРЫМ ВСЕ ПО ПОЯС. Комсомольцем тогда был почти любой человек в возрасте с 14-15 до 28 лет. Наряду с такими комсомольцами, были еще собственно «комсомольцы», которые этой самой комсомольской деятельностью занимались.

В принципе определенное поле для общественной деятельности существовало. Например, какая-то деятельность в общежитии, математические кружки для школьников, сезонная уборка околоуниверситетской территории. Но те же кружки

существовали как-то сбоку от комсомола, в принципе как <общественная работа> «общественная работа» самого низшего пошиба это могло сойти. Комсомольские субботники же не имели своей целью выполнению какой-то работы, наоборот наличие работы было поводом для организации субботника.

А Комсомол занимался кипучей и бурной деятельностью. Объяснять в чем она состояла можно пространно и коротко. Совсем коротко - ни в чем. Чуть подробнее - мешать людям жить. Пространно --- описывать долго, и здесь не место. Буря нарастала на глазах. 1979 год был кипучей 1975, а 1982 превосходил 1979.

Простой человек должен был участвовать в разных массовых мероприятиях, а также соучаствовать в кипучей деятельности. Для этого нужны были кнуто-пряники. Комсомол (и стоящий за ним партком) имел фактическое право вето при поступлении человека в аспирантуру сразу после мехмата. И им пользовался. Кажется такое было только на мехмате. Правда через 2 года недостойный человек уже мог поступать без этих рогаток. Комсомол же фактически имел право рекомендации в аспирантуру. Научный руководитель мог уклониться, Тогда находили другого руководителя.

Человек, желавший в аспирантуру, должен был комсомольски работать. Все, кого это интересовало и на ком не было <сглаза> «сглаза», озабачивались, и начинали на 4-ом курсе искать <работу> «общественную работу». Но ужасно это не было, потому что за пределами комсомольской квоты на особо недостойных и особо достойных, поступление в аспирантуру шло вне комсомольской линии.

Точнее, было нечто более ужасное.

Комсомол сам по себе был образовательной структурой. На искусственно изобретаемых полигонах Партия готовила себе <достойную смену> «достойную смену». Людей для этой <смены> тщательно отбирали, обучали и давали им возможности набраться «практического опыта». Был и <образовательный ценз> «образовательный ценз» -- возможностей для карьеры помимо комсомольской молодости не было (это было брежневское нововведение). На меня - наблюдателя 1980г. - это производило странное впечатление. Во-первых, отбор и воспитание проводилось по предпочтительному признаку <не верить ни в Бога, ни в Маркса, ни в черта> «не верить ни в Бога, ни в Маркса, ни в черта».

Во-вторых, эти люди, имея <организационные способности> «организационные способности», обладали замечательной в своем роде неспособностью ни к какой положительной деятельности. По этой второй причине «комсомольцы» <комсомольцы> представлялись мне людьми потенциально неопасными. Казалось, что любая государственная и общественная система не может обойтись без людей, способных делать дело. То, что грянет 1991 год, и государство и общество придут в соответствие с наличными людьми, мне тогда в голову не приходило.

Теперь взгляд из 2005 года. Как сейчас бы сказали, в комсомоле тщательно отбиралась и воспитывалась <элита нации> «элита нации» (в значительной степени так и получилось). Я бы также сказал, что комсомол был аналогом "business schools" и началом «гуманитарного образования» <гуманитарного образования> в России в современном смысле этого слова (см. выше).

Сейчас у меня нет опыта общения с миром такого образования, поэтому я лишь задаю вопрос о сравнении технологий. В обоих случаях обучение боевым навыкам предшествует практической деятельности. В случае комсомола был упомянутый выше образовательный ценз, сейчас его, слава Богу, нет. С другой стороны, воспитание комсомольского бойца шло без отрыва от собственно профессионального обучения (и тех, кто был в этом плане совсем тупицами, не привечали), в то время как сейчас учат абстрактных <менеджеров> «менеджеров». С кругозором абстрактных менеджеров.

С другой стороны, сейчас нет искусственного полигона, и тех <статистов на нем> «статистов» на нем.

Далее, в комсомоле здоровая конкуренция (по-русски, «гадюшник») сопровождала всю <деятельность> «кипучую деятельность». Сейчас здоровая конкуренция есть на уровне денег, <вкладываемых> (легально и не легально) юношами и родителями в это образование, а также на уровне отбора в данные заведения. Я не знаю, что лучше, только что-то не очень радостно.

ПАРТКОМ. Партком был <в беспредельной вышине> и был для простого студента или аспиранта, как я, не наблюдаем.

Но кое-что все же было зримо. А именно было видно, каких людей берут на работу на мехмат, а каких нет. Этих мест было меньше, чем в аспирантуре, и, конечно, брали самых достойных. Самыми достойными были дослужившиеся до секретаря комсомольской организации мехмата. Были и другие люди с достоинствами.

В политике мехматского парткома был сильный антиеврейский элемент, о котором очень много говорили. В некотором смысле это обстоятельство затушивает ряд иных неприятных обстоятельств. Представим себе, что этого элемента бы не было, т.е. была бы картина примерно средняя по тогдашнему обществу. Представим себе, что евреев честно брали бы на работу в данном месте по тем же принципам, что и остальных. Что изменилось бы? Для тех кого бы взяли на работу, чего-то бы изменилось. А что еще?

Итак, брали людей с <оргспособностям> «организационными способностями», но отнюдь не по признаку профессиональной яркости. Брали людей, пожалуй, квалифицированных. И они могли обеспечить дневную жизнь в стабильном режиме, пока она не потребует разумных перемен. И могли обеспечить второсортную жизнь вечернюю. Все. Это был запуск деградационного механизма. Медленного и неумолимого.

Теперь взгляд из 2005 года. Я формулирую три вопроса.

1. Существует ли современный закон, который мог бы воспрепятствовать такого рода действиям? Возможно ли вообще такой закон придумать,
2. Можно ли осуждать эти действия с точки зрения современной общественной морали?
3. Возможно ли придумать рыночный механизм, препятствующий подобному поведению?

Мне кажется очевидным, что ответы на все эти вопросы отрицательны. Что, в сущности, забавно. Оказывается, что есть неприятные (и важные в затяжной перспективе) проблемы, которые в современных терминах даже невозможно сформулировать.

И еще из 2005 года. Мне кажется, что по системе образования брежневская кадровая политика 1968-1984гг. ударила даже меньше, чем по остальному обществу. Удар был несколько смягчен кастовой этикой, которая в мире образования была довольно сильна. Но этот удар сильно пошатнул эту кастовую этику, которая и сама по себе в тот момент была под угрозой уже по внутренним причинам.

Позволю себе еще одну банальность. Когда в руководстве учреждения слишком много людей, чьи способности и умения сводятся к организационным, то возникает система, способная к самосохранению. Собственно профессионалу в таком обществе уже нечего делать. Среди научных людей бывают люди, способные к руководящей деятельности, и бывают неплохие интриганы. Но пока это не является для человека основным видом деятельности, он находится в другой весовой категории, потому что тратит силы на всякую там ерунду, вроде науки. А переходя к правильному образу поведения, он перестает быть тем, чем был раньше. Ну бывают исключения, но их не густо.

АСПИРАНТУРА МЕХМАТА

. Сразу оговорюсь, что нижеописанное возможно лишь в науках, где индивидуальная деятельность не требует больших материальных затрат.

Аспирантура мехмата продолжалась три года. Привожу полный список обязанностей аспиранта за этот срок.

1. На первом году аспирантуры раз в неделю были семинары по английскому и марксистско-ленинской философии (со слабо отслеживаемой посещаемостью). По философии надо было еще написать «реферат»
2. Сдать три ВАК-овских экзамена: специальность, английский, философию (фактически они сдавались на первом году аспирантуры).

Небольшая деталь: раздав билеты по ВАКу по специальности, секретарша кафедры отлучалась на час по каким-то неотложным делам. Аспиранты же приходили на экзамен не с пустыми руками. У меня, например, было с собой двадцатикилограммовый портфель. И тем не менее данный экзамен был очень серьезным и нетривиальным, и не мог идти ни в какое сравнение ни с чем, что я видел до и после этого. Потому что вопрос серьезности не в строгости ритуалов, а том, как и на каком уровне ведется разговор между учителем и учеником.

3. Сдать т.н. «внешний экзамен» и три т.н. «отчета» по математике. «Внешний экзамен» сдавался по какой-либо чужой кафедре, «отчеты» – по своей. Что именно сдавать, определялось в беседе научного руководителя и аспиранта. Программы этих экзаменов для себя я писал сам (но это зависело от степени лени научного руководителя). Экзамен сдавался тэт-а-тэт с каким-нибудь преподавателем. Иногда (а может и часто) принимавший преподаватель имел сам возможность чему-нибудь интересное узнать на экзамене.

За это в течение 3 лет платили небольшую стипендию в 80 руб. (что-то вроде 12000 руб. в ценах начала 2005). Конечно, не деньги, но жить можно.

Предполагалось, что человек «сделает диссертацию». Но до того, как именно и когда именно человек работает, никакой системе «учета и контроля» дела не было.

Для полной точности описания надо добавить комсомольскую активность; мехматскую аспирантуру чаша сия не миновала. Все это вызывало ненависть и отвращение, но реально жизнь портило не сильно. Ужас вызывало физически ощутимое нарастание всего этого, было видно, как без конца изобретается какое-то новое изощренное уродство, которого вчера еще не было. Наверно при естественном развитии событий лет через десять аспиранты восемь дней в неделю занимались бы комсомольски полезным трудом.

Теперь возвращаюсь к итогам. Что делали люди, предоставленные сами себе, которых никто не подгонял? (кроме, может, научных руководителей). Ответ очень простой: работали. Много работали. Да, были исключения. Да, были люди срывавшиеся. А вообще работали.

Кто-то больше ради любопытства, кто-то больше, чтобы «сделать диссертацию». Последнее должно было дать важные плюсы в дальнейшей жизни. Но в обоих случаях люди знали, что такой свободы больше никогда не будет, и этим пользовались.

В итоге мехматская аспирантура была вполне продуктивным научным учреждением, выдававшим в качестве кандидатских диссертаций и просто так немало работ самого высокого уровня. А также и людей, способных продолжать научную деятельность. Или дельных прикладников.

[Назад](#) [Вперед](#) [Оглавление](#)